

ЧУЖОЕ СОЛНЦЕ

В. ФЁДОРОВ

Василий Фёдоров

Чужое солнце

<https://litres.ru/74640318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миша уговаривает друзей — Олю и Колю — угнать космический аппарат. Но челнок выходит из строя, и нерадивые искатели приключений оказываются на чужой планете. Там они узнают, что болезнь губит местных жителей.

Друзья хотят помочь аборигенам и знают, как это сделать, но им приходится скрывать своё происхождение. А главное — нужно нарушить закон о невмешательстве в жизнь местных. Миша влюбляется в дочь целительницы и решает помочь ей во что бы то ни стало. Вскоре ему самому приходится полагаться на её помощь, чтобы выжить.

Между ними вспыхивает любовь, но остаётся тайна. Сияра не должна узнать, что он — пришелец со звёзд. Тем временем в древнем храме друзья находят устройство и понимают, что местные не могли его создать. Откуда на Ориане такие технологии — и почему старое пророчество сулит этому миру гибель от чужаков, обещающих помощь?

Содержание

Глава 1 — Один на миллион	4
Глава 2 — Под чужим солнцем	40
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Василий Фёдоров

Чужое солнце

Глава 1 — Один на миллион

Наруч завибрировал у запястья как раз тогда, когда Миша решил, что это ещё не бег.

Он шёл очень быстро — если верить людям, которым приходилось отступать с дорожки, придерживать детей за плечи и бросать ему вслед замечания, далёкие от вежливости. До спортивного блока оставалось две развилки, один мост через декоративный ручей и площадка с гладкими белыми

скамьями, где всегда толпились те, кому никуда не надо.

Сегодня, конечно, тоже все решили собраться именно там. На коже вспыхнула тонкая жёлтая метка: «Скорость приближается к допустимому пределу общественной зоны».

— Приближается, — выдохнул Миша, лавируя между парой старшекурсников с одинаковыми тёмными сумками. — Это ещё не нарушает.

Наруч не оценил тон. Метка сжалась, сменилась красноватой полосой и вывела поверх запястья короткую строку: «Риск столкновения с пешеходами повышен». Миша убрал руку ближе к телу, чтобы не снести локтем бутылку в руках какого-то паренька, и ускорился.

Воздух был чистым настолько, что после бега от него только сильнее сушило во рту. Тропинка плавной дугой проходила между низкими деревьями и узкими ручьями, а камни под ногами были подогнаны один к другому почти без зазоров. Всё вокруг будто рассчитывали на людей, которые никуда не торопятся. Миша явно сюда не вписывался.

Миша срезал, перескочив через ручей: приземлился на край камня, качнулся, поймал равновесие и едва не врезался в мужчину с прозрачным стаканом. Стакан дёрнулся, но крышка выдержала.

— Осторожнее! — бросил он вслед, сердито проверяя крышку.

— Я очень стараюсь, — ответил Миша уже через плечо. Наруч не собирался сдаваться и напоминал о себе.

— Статус, — сказал он, не сбавляя шага.

На запястье всплыла цифра, которую он и так примерно помнил: девяносто процентов месячного порога. Ниже — спокойное служебное предупреждение: «При достижении полного порога доступ к ряду зон и сервисов будет временно ограничен до рассмотрения».

Десять процентов.

Миша усмехнулся, протискиваясь между скамьёй и клумбой с растениями, которые никогда не царапались, не пахли землёй и цвели строго по расписанию.

— Огромный запас.

На следующей развилке он свернул к спортивному блоку. Под подошвой хрустнул мелкий декоративный гравий; где-то сбоку возмущённо пискнул уборочный бот, которому пришлось уйти с пути. Миша не оглянулся — бот, наверное, переживёт.

Почти у самого перехода наруч выдал новый сигнал — ниже и суше, не связанный со скоростью: «Предварительный прогноз: следующий аномальный солнечный всплеск ожидается через три часа. Рекомендовано завершить открытые маршруты и внешние посещения до обновления прогноза».

Миша сбавил шаг только на мгновение. Матч займёт меньше часа, потом — обсерватория, потом Коля перестанет ныть, что всё надо было бронировать намного раньше. Отличный план. Почти без слабых мест, если не считать людей, предупреждений и самой вселенной, которая могла бы хоть

раз не лезть под ноги.

— Сегодня не получится, — сообщил он наручу и после ожидаемого молчания добавил: — У меня планы.

Внутри спортивного блока было шумно и душно от разогретого покрытия. На ближайшем поле несколько игроков окружили судью, перебивая друг друга, а чуть дальше девчонки в тренировочных жилетах гоняли мяч в силовую сетку, и после каждого броска по залу расходился короткий глухой хлопок.

Он увидел своих почти сразу. Команда стояла у четвёртого поля. Двое махали ему руками с таким видом, словно он не просто опоздал, а лично задержал начало новой эры. У центральной линии, рядом с открытым ящиком экипировки, Коля смотрел на время на своём наруче — и делал это нарочито медленно. Миша узнал этот жест ещё с трёх предыдущих матчей. Коля не торопился злиться. Он давал человеку возможность понять глубину собственного падения.

Миша подбежал к шкафчику, приложил запястье к замку, выдернул перчатки и ботинки. Один ботинок не хотел попадать на ногу; второй шнур затянулся криво. Миша, прыгая на одной ноге, стукнулся плечом о дверцу шкафчика, выругался себе под нос и всё-таки застегнул крепление. Перчатки легли на ладони плотно, с мягким нажимом вдоль пальцев. Он хлопнул ладонью о ладонь — коротко, проверяя отклик. Поздно. Все уже смотрели.

— Думал, ты уже сдался, — сказал Коля. — Удобно: даже

играть не пришлось бы.

За его спиной кто-то прыснул. Из команды Коли, разумеется.

Миша захлопнул шкафчик и вышел на поле.

— Сегодня будет иначе, — сказал Миша. — Можешь заранее подобрать речь.

— Я уже подобрал: «Почти получилось».

— Ну, посмотрим!

Несколько ребят из команды Миши одобрительно загудели и потянулись к нему: хлопок по плечу, кулак к кулаку, короткое «давай уже». Кто-то особенно удачно попал по ушибленному шкафчиком месту, но Миша лишь скривился и дошёл до центральной отметки, где Коля уже протягивал ладонь. Миша ударил по ней, и они сцепили руки чуть крепче, чем требовало приветствие.

— Как обычно, — напомнил Коля, больше для порядка. — Без толчков в спину, захватов и твоего любимого «я просто рядом летел».

— Ну так я и правда просто рядом лечу.

— Ага... коленом вперёд...

Судейский сигнал оборвал их спор, не дав ему разгореться. Игроки разошлись по позициям. В центре поля, между Мишей и Колей, открылось круглое отверстие пусковой шахты. На секунду стало слышно только перекличку с соседних площадок, короткие удары мяча и сухое шуршание перчаток, когда кто-то нервно разминал пальцы.

Миша опустил плечи, вдохнул — и всё лишнее сразу отошло в сторону. Остались мяч, Коля напротив и желание наконец стереть с его лица эту вежливую уверенность.

Свисток — и мяч выстрелил из шахты белой полосой. Миша рванулся вверх одновременно с Колей, и в тот же миг вес ушёл из тела.

Поле будто ушло из-под ног. Миша на мгновение ощутил знакомый провал в животе, и почти сразу игроки начали подниматься над покрытием — одни мягко, другие резкими толчками. Вдоль края площадки погасли рекламные панели, открывая за прозрачным ограждением сине-зелёный изгиб планеты и уходящую вдаль дугу станции.

У скамейки раздался крик, с соседнего поля ответили свистом. Те, кто видел космомяч впервые, обычно запоминали именно это мгновение — когда поле словно вспоминало, что находится в космосе.

До мяча Миша добрался раньше Коли. Ботинки толкнули его вверх и в сторону, перчатки помогли повернуть корпус, и ладонь сразу отправила мяч на левый фланг. Защитник едва не перехватил передачу, однако Сева успел подставить ступню и пробросил дальше, к воротам.

— Уже нервничаешь? — крикнул Миша.

Коля не произнёс ни слова — одного движения руки хватило, чтобы команда перестроилась и отрезала Севе следующий пас. Он не спешил туда, где всё уже происходило. Он перекрывал путь туда, где всё должно было произойти.

Сева попался: пас ушёл ровно в пустоту, которую команда Коли превратила в ловушку. Перехват, короткий импульс ботинок, разворот через плечо — мяч уже летел к воротам Миши, но вратарь успел отбить его рукой.

Миша дал тягу ботинками, поймал мяч на перчатку и повёл его вниз, под защитника. Поле подмешивало к движению тонкий свист: так легче было чувствовать скорость и чужое приближение в отключённой тяжести. Слева мелькнула рука. Миша убрал мяч, провернулся, получил толчок плечом

в плечо и усмехнулся.

— Слабовато!

— Это разминка! — ответили сверху.

Первый гол забила команда Коли — некрасиво, что раздражало особенно сильно: две передачи, ложный уход вверх, удар почти с места, и мяч, скользнув мимо руки вратаря, коротко дёрнул сетку. Табло сменило ноль на один, а Коля, пролетая мимо, даже не улыбнулся — только посмотрел на Мишу.

Через минуту Миша сравнивал счёт. Взял передачу у борта, ушёл от защитника вниз, почти зацепил ладонью покрытие, зато вывернул тело так, что удар получился из невозможно-го угла. Мяч влетел в верхний сектор ворот, и команда Миши взорвалась криком, словно решался не вечерний матч, а чемпионский титул.

Команды быстро сошлись, и свободного пространства почти не осталось. За каждый пас приходилось бороться, открывшиеся коридоры тут же закрывали. Игроки отталкивались короткими импульсами, уходили вверх, ныряли под соперников, били по мячу руками и ногами, временами — по соперникам. Ошибка в таком движении стоила дорого: промахнулся с вектором — и инерция уже уносила тебя прочь от игры.

Счёт стал два-два. Потом — три-два в пользу Миши. Потом Коля, наконец, забил сам — сухо, точно, без красоты, зато так, что вратарь увидел мяч уже внутри ворот.

— Что ты там говорил про «иначе»?

— Матч ещё не закончился, — ответил Миша, высматривая свободный коридор. — Не о чем беспокоиться.

— Так ведь может стать и хуже, чем ничья.

Мяч снова ушёл в игру, и к середине матча футболка уже прилипла к спине, в горле стояла сухость, а ушибленное о шкафчик плечо отзывалось при каждом резком движении. Миша загонял боль глубже очередным рывком. Ровный свет и чистый воздух исчезли — остались только белая полоса мяча, голоса, табло, чужие ботинки в метре от лица и Коля, раз за разом возникавший там, где Миша рассчитывал увидеть пустоту.

За две минуты до конца счёт сравнялся — четыре-четыре. Сама по себе ничья была безобидной, но на табло выглядела как издевательство. Пока мяч возвращали в центр, команда Миши собралась у своего борта: игроки висели в воздухе, Сева тяжело дышал, вратарь растирал запястье.

— Они центр перекрывают плотно, нам не пройти, — сказал Сева.

— Значит, не идём в центр, — Миша смотрел через поле на Колю.

Коля говорил тихо, почти не двигая руками, а команда ловила каждое слово. Ни сомнений, ни споров — они уже верили, что он всё просчитал. Мише особенно не нравилось именно это.

— Ты хочешь через верх? — спросил Сева.

— Я хочу, чтобы они думали, что мы хотим через верх.

— А на самом деле?

Миша показал на нижний борт.

— Там мало места, — сказал Сева, поморщившись.

— Я протиснусь!

Свисток вернул игру в движение. Команда Миши разыграла всё точно по плану, несколькими передачами выведя его к нижнему борту. Но вместе с ним туда успели набиться и защитники. Сева был прав, места почти не оставалось.

Миша втянул воздух сквозь зубы, развернул корпус и выжал скорость до предела, чтобы догнать пас и ударить со всей инерцией.

Удар получился, но Миша не успел погасить скорость. Борт пошёл на него широкой прозрачной стеной. Плечо приняло удар первым. Внутри что-то глухо вспыхнуло и тут же ушло куда-то глубоко, оставив после себя пустоту.

Мяч ушёл чисто. Он прошил нижний сектор, задел внутренний край рамки и влетел в сетку. Команда Миши взорвалась на полуслове, несколько рук уже вскинулись вверх. Миша отлетел от борта, сделал в воздухе неровный полуборот и завис лицом к табло. Цифры стояли спокойно: четыре-четыре. Слишком поздно.

Тяжесть медленно возвращалась, оседая где-то внизу. Мир вновь обрёл привычные ориентиры — появились верх и низ, притяжение потянуло тела к поверхности. Игроки стали опускаться: одни плавно, другие — неуклюже, на ходу

пытаясь удержать равновесие. Миша почти удачно приземлился, но в самый последний миг резкая боль пронзила плечо — дыхание на мгновение оборвалось. Лишь когда утихла злость, он по-настоящему ощутил эту боль.

Коля подошёл первым. После игры волосы у него растрепались, на щеке остался красный след от чужой перчатки, но довольным он почему-то не выглядел. Сначала взглянул на табло, потом — на Мишино плечо.

— Красиво влетел. Почти как гол.

— Гол был.

— Но после свистка, — невозмутимо напомнил Коля.

Миша уже открыл рот для ответа, но Коля вместо этого протянул руку — как делал всегда, когда спор после особенно удачной выходки можно было считать законченным. Миша ухватился за неё и поднялся. Плечо сразу налилось тупой горячей болью, зато стоя злиться оказалось заметно удобнее.

— Ты в курсе, что ничья не прерывает серию поражений?

— спросил Коля.

— В курсе... — с досадой ответил Миша.

Команды понемногу расходились, но жаркий спор о последнем ударе никак не утихал. Игроки снова и снова запускали запись на наручах, горячо доказывая друг другу, что свисток раздался позже. А табло, как назло, будто нарочно лишало их красивого финала.

Он проверил плечо осторожным движением. Рука поднялась до половины и остановилась, будто внутри натянули туговую грязную струну.

— Нормально, — сказал Миша раньше, чем Коля успел открыть рот.

— Я молчал.

— Гмм... а казалось, что уже читаешь лекцию.

Коля хмыкнул, подхватил полотенце с борта, и дальше они какое-то время шагали вдоль поля в тишине. После того как исчезла невесомость, обычный шаг ощущался неуклюжим: подошвы гулко ударялись о покрытие, тело словно наливалось тяжестью, а воздух будто становился гуще. Миша терпеть не мог эти первые минуты по окончании игры — казалось, будто у него отобрали привычную лёгкость движений и швырнули обратно в заурядный, скучный мир. И именно в этот момент откуда-то сзади долетел тонкий женский голос.

— Что вы уже опять натворили?

Миша резко обернулся. В нескольких шагах от них, у прохода, стояла Оля: сумка перекинута через плечо, а на лице — такое выражение, что ни виноватым, ни пострадавшим не стоило ждать поблажек. Коля опередил её — кивнул на Мишу ещё до того, как она успела что-то спросить.

— Он.

— Предатель, — сказал Миша.

Взгляд Оли скользнул от Мишиного плеча к следу на щеке Коли и задержался там на долю секунды дольше. Тот поднял обе руки, старательно изображая невинного человека, которого оклеветали обстоятельства и лучший друг.

— Я ничего.

— Это он так всегда начинает, — сказал Михаил.

Плечо тут же отозвалось тупой болью. Не сильной, но достаточно упрямой, чтобы испортить вид победителя. Или хо-

тя бы человека, который почти победил.

За спиной закрылась створка поля, рыжеватый свет таб­ло скользнул по лицу Оли и погас. После гудков, криков и ударов мяча станционная тишина казалась почти подозри­тельной. В ней Олин взгляд снова остановился на Мишином плече.

— Показывай.

— Оль, правда, всё нормально.

Она не стала спорить — просто взяла его за локоть, по­вернула к свету боковой панели и провела пальцем по сво­ему наручу. Тот тихо пискнул, и по плечу Михаила скольз­нула холодная, почти щекотная полоса света. Он невольно дёрнулся, но Оля только крепче придержала его руку.

— Ты же вроде говорил, что всё нормально?

— Так и есть, — сказал Михаил, переждав новый укол боли. — Просто рефлекс.

Коля подавился смешком, но под взглядом Оли тут же от­вернулся. В этот момент наруч выдал мягкий сигнал и корот­кую строку, которую Михаил не успел прочитать: Оля сразу наклонила запястье к себе.

— Лёгкий ушиб, — сказала она. — Ничего страшного. Жить будешь.

— Вот видишь.

— Вижу, — Оля отпустила его руку, но тут же посмотрела так, будто отпускала не до конца. — Вижу, что ваш дурац­кий космояч каким-то чудом ещё называют спортом, а не

очередью к травматологу.

Коля сразу оживился.

— Между прочим, у космояча есть отдельная выставка в Музее Атом. Так что это уже не просто способ собирать ушибы, а культурное наследие.

— Да, я тоже удивлена, — сухо сказала Оля, медленно поворачивая к нему голову.

— Раз жить буду, предлагаю не тратить редкий момент. Нам к челноку, — вмешался Михаил, пока спор не успел затянуться.

Наруч на запястье Михаила коротко завибрировал. На краю поля появилось очередное служебное уведомление: до аномального всплеска оставалось меньше трёх часов. Светлая строка скользнула по панели и растворилась среди других предупреждений.

— Вы всё ещё хотите лететь? — спросила Оля, заметив, куда он посмотрел.

— Не «вы», а «мы», — сказал Михаил.

— Я пока не соглашалась.

— Ты уже пришла.

— Я пришла посмотреть, живы ли вы после вашего великого спорта.

— Значит, план сработал, — сказал Коля. — Нас проверили, мы живы, теперь можно на обсерваторию.

Оля вздохнула так, будто они оба были не друзьями, а сложным учебным заданием без правильного ответа, и по-

шла вместе с ними к сектору переправки. Михаил держал шаг быстрым, но не бежал: наруч и без того сегодня слишком часто напоминал о нарушениях.

В переходах по-прежнему двигались люди, открывались двери, над головами сменялись объявления. Всё шло своим чередом. У обзорного проёма маленький ребёнок прижал ладони к стеклу и смотрел на тёмный изгиб далёкой планеты.

Михаил скользнул взглядом по ребёнку у стекла и задержался уже на самой планете. Туда. К обсерватории. Хотелось наконец увидеть её вблизи — облака, горы, тени на поверхности, всё то, что с такого расстояния сливалось в спокойную тёмную дугу. Оля шла рядом и, похоже, про ушиб так и не забыла.

— Безопасно вообще туда лететь перед вспышкой?

— У нас есть Коля, — сказал Михаил. — Эксперт по вероятностям, плохим решениям и словам «я ничего».

Коля выпрямился.

— По вероятностям — да. По плохим решениям у нас другой специалист.

— Не отвлекайся от научной консультации.

— Ну? — спросила Оля, посмотрев на Колю уже не сердито, а почти всерьёз.

Коля потёр большим пальцем край своего наруча. Так он делал, когда мысленно перебирал числа, даже если числа уже были известны.

— Официальный прогноз всплеска держится. Отклоне-

ние даже на час — где-то один шанс на миллион.

— А если этот один шанс случится?

Коля пожал плечами. Расчёт его устраивал, но спорить с редкими исключениями он не собирался.

— Тогда нам всем будет что обсудить. Но с тем же успехом сейчас может отвалиться кусок станции.

— Спасибо, — сказала Оля. — Очень успокоил.

— Вот видишь. Один на миллион. Это почти разрешение, — хмыкнул Михаил.

— Это не разрешение, — сказала Оля. — Это Коля красиво произнёс «скорее всего, пронесёт».

— Я так не говорил, — возмутился Коля.

— Ладно... надеюсь, оно того стоит.

Они миновали группу студентов у питьевой стойки. Кто-то узнал Колю после матча и махнул ему рукой, и тот ответил довольным кивком, словно ничья вполне могла сойти за победу. Михаила это задело сильнее, чем хотелось признавать. Оля тем временем снова поравнялась с ним и покосилась на плечо.

— Ты за три секунды нашла ушиб, а всё ещё делаешь вид, что медицина — не твоё?

— Я не делаю вид, — ответила Оля, чуть сбившись с шага.

— Ты на поле ещё издали увидела, что я плечо берегу.

— Это было несложно. Я привыкла, что у вас всегда что-то случается.

Коля сдержал смешок. Оля затянула ремешок наруча

быстрым уверенным движением. Её руки не знали той нерешительности, которая звучала в голосе.

— На синяк смотреть легко, — сказала она.

— А на что трудно?

Она не сразу нашла ответ. В этом участке перехода потолок растворялся в ровном дневном свете, призванном заменить людям настоящее небо. Белая дуга тянулась вперёд, смягчая и свет, и звук шагов.

— На человека, который ждёт, что ты не ошибёшься, — сказала Оля. — Когда это уже не учебная задача и не мелкая травма, а человек, которому действительно плохо.

Коля перестал улыбаться, а Михаил проглотил уже готовую шутку. Оля говорила спокойно, без жалобы, и от этого её слова прозвучали тяжелее.

— Не делайте такие лица, — сказала Оля, первой отводя взгляд.

— Ну... медицинский же не единственный вариант, — сказал Коля осторожно. — Можно писать. У тебя же получается. И сейчас с инструментами легче: набросала основу, настроила помощник, полстраницы кода — и черновик готов.

Михаил успел заметить, как Оля подняла брови и замедлила шаг, а потом вовсе остановилась. Коля прошёл ещё немного, оглянулся и, поняв, что они отстали.

— Что? — спросил он.

Оля смотрела на него так, будто выбирала между двумя наказаниями и оба казались недостаточными.

— Я сказал, что с инструментами легче.

— Нет. Дальше.

— Полстраницы кода? — моргнул Коля.

Михаил отвернулся к стене и прижал кулак к губам, изображая кашель. *Коля, ты попал.*

— Писать, — сказала Оля очень тихо, — это не «полстраницы кода».

— Я не это имел в виду.

— Именно это.

— Я хотел поддержать, — сказал Коля, разводя руками уже без всякой игры и явно пытаюсь понять, где успел свернуть не туда.

— Но ты же сама пользуешься помощниками. Справочниками. Сценарными сетками. Всем этим.

— Пользуюсь.

— Тогда в чём проблема?

Оля сделала шаг к нему.

— В том, что для тебя история — это процесс, который надо сделать управляемым. Подкрутить. Оптимизировать. Ускорить. А для меня это не задача. Это я. Это то, как я понимаю настоящее. Как спорю с тем, что вижу. Как пробую заглянуть дальше, чем мне удобно.

Коля открыл рот, но тут же закрыл: Михаил знал это выражение — внутри тот ещё спорил, однако уже понял, что быстрым ответом не выкрутится.

— Куда пойдёт история, решаю я, — продолжила Оля. —

Не программа. Не тренд. Не твои полстраницы.

— Твоя героиня в прошлый раз три главы делала ровно не то, что ты планировала, — сказал Коля. — Ты сама жаловалась.

— Потому что она стала живой!

— Вот! Значит, процесс тоже выходит из-под контроля.

— Не радуйся. Ты сейчас не победил.

— Значит, ничья? Вторая за сегодня!

— Пока думаю.

Михаил не выдержал и усмехнулся, тут же поймав на себе Олин взгляд.

— А ты чего улыбаешься?

— Наблюдаю, как искусство сражается с информатикой.

— Искусство временно отступило, чтобы не устроить сцену в общественном переходе, — сказала Оля.

Коля засмеялся, и Оля, конечно, заметила. Она ткнула Колю локтем в бок, но уже без настоящей злости. Коля согнулся, приложил ладонь к месту удара и сделал вид, что получил тяжёлую травму. Оля закатила глаза, но угол её губ дрогнул.

Смотря на них, Михаил испытывал странное, непонятное чувство — а может, он всё понимал, просто не хотел себе в этом признаваться. Даже в их споре ощущалось что-то, что крепко связывало их друг с другом. Казалось, стоит потянуть чуть сильнее — и оба это почувствуют.

Михаил сунул руки в карманы, чтобы лишний раз не трогать наруч, но тот всё равно завибрировал, высветив на внут-

ренной стороне запястья повторное уведомление о вспышке.

МИША
ГЛАВА КОМПАНИИ
И ГЕНЕРАТОР ИДЕЙ

ОЛЯ
ТАЛАНТЛИВЫЙ
МЕДИК

КОЛЯ
ТЕХНИЧЕСКИЙ
СПЕЦИАЛИСТ

— Отлично, — сказал Михаил. — Вселенная тоже просит закончить литературный вечер.

— Может, вселенная просит нас не лететь, — сказала Оля, кивнув на уведомление у него на запястье.

— Она не умеет так тонко формулировать, — сказал Михаил, ускоряя шаг и цепляясь за новую тему. — Коля, ты идею не поменял?

— Какую?

— Куда поступать.

— Нет. Информатика. Системы. Настоящий искусственный интеллект, — ответил Коля с заметным облегчением, будто разговор наконец вернулся на безопасную территорию.

— Настоящий? — переспросила Оля.

— Полноценный, — сказал Коля. — Самостоятельный разум, а не помощник, имитация собеседника или слепок пользовательских привычек. Такой, который выдержит собственную свободу.

— Разве такие работы не закрыли? — нахмурилась Оля.

— Официальные — да, — сказал Михаил. — Как только система начинала существовать для себя, она переставала быть удобным инструментом.

— И ещё потому, что этика, — добавила Оля.

— Про этику почему-то начинают говорить тогда, когда разум перестаёт быть удобным, — сказал Коля. — Все хотят, чтобы он думал сам, но только в заданных пределах, ошибался без последствий и всегда слушался. Только какой же это тогда разум?

— И ты собираешься решить то, что закрывали десятилетиями? — спросила Оля, глядя на него уже без прежнего раздражения.

— Да!

— Скромно.

Михаил улыбнулся, но ненадолго. Коля говорил о невозможном так, словно достаточно было правильно сформулировать задачу — и дальше оставалось только найти решение. Михаилу тоже было что решать, только у его задачи пока не находилось даже первого шага.

— А ты? — спросил Коля. — Исследовательская линия всё ещё в силе?

— В силе, — ответил Михаил, пожав плечом и тут же поморщившись от боли под ключицей.

— С таким лицом, будто тебя туда насильно тащат.

— Меня просто не особо нравятся правила.

— Исследователь без любви к правилам, — сказала Оля.

— Почти обязательный пункт характера.

— Я люблю понимать, зачем они стоят.

— А если понял и всё равно не согласен? — спросил Коля.

Михаил посмотрел вперёд. За поворотом уже виднелась широкая арка сектора переправки. Над ней светился знак обсерватории: тонкое кольцо и точка планеты под ним.

— Тогда нужно искать, где они мешают делу.

— Вот теперь звучит тревожно, — тихо фыркнула Оля, но тут же добавила мягче: — Исследовать неизвестные миры — вечная романтика, пока кто-нибудь вроде тебя не решает, что инструкция мешает делу.

— Инструкции часто пишут люди, которые никуда не опаздывали, — сказал Михаил, выходя в зал переправки, и сразу понял по янтарному свету над шлюзами, что они всё-таки опоздали.

Обычно путь к шлюзам отмечала мягкая зелёная линия. Сейчас на центральной панели горела закрытая пиктограмма: маршрут к обсерватории приостановлен. Зал оставался спокойным — пассажиры расходились, недовольно говорили в наручи и переносили бронь на другое окно.

— Переправка к внешней обсерватории приостановлена

до окончания режима аномального всплеска. Следующее доступное окно будет объявлено дополнительно, — спокойно сообщила система.

— Ну вот и всё, — сказала Оля, останавливаясь.

— Ближайшее свободное окно... через два месяца, — сказал Коля, развернув список на панели расписания и на мгновение замолчав.

Михаил смотрел на закрытый знак, и два месяца вставляли поперёк горла. Он столько раз переносил эту поездку, подстраивал расписание, выбивал разрешение, сверял Олины зачёты, Колину занятость и гостевые окна обсерватории — и теперь всё упиралось в спокойный янтарный значок.

— Значит, пойдём, — сказала Оля. — Ничего страшного. Обидно, но не смертельно.

Михаил промолчал.

— Миш, — осторожно окликнул Коля, повернувшись к нему.

— Нет, — сразу сказала Оля, тоже заметив перемену в нём.

— Я ещё ничего не сказал...

— Я это лицо знаю. Сейчас будет плохая идея.

Михаил подошёл к боковому проходу. За прозрачной перегородкой стоял один из малых челноков: белый, гладкий, с шестью местами внутри. На его борту светилась служебная отметка «Роскосмос». Машина выглядела не опасной, а обиженно ненужной: готова лететь, но на деле намертво привя-

занная к станции

— Следующее окно через два месяца, — повторил Михаил.

— Я слышала, — сказала Оля.

— Коля, защиту обойти сможешь?

Коля промолчал, и Михаил сразу понял: тот уже не спорит, а прикидывает, как это сделать. Оля шагнула между ними.

— Нет. Даже не начинайте.

— Оль...

— Нет. Переправа закрыта не потому, что кто-то хочет испортить тебе вечер.

— Вспышка через несколько часов.

— По прогнозу.

— Коля сказал — один на миллион.

— Коля не разрешение на нарушение.

— Я правда не разрешение, — поднял руку Коля.

— Сможешь? — спросил Михаил, не отводя от него взгляда.

Коля перевёл взгляд на панель у служебного прохода. Она была не на виду, чуть внутри, за выступом стены. Если стоять со стороны зала, человека у панели можно было заметить только под определённым углом.

— Теоретически, — сказал Коля.

— Коля! — Оля ударила его ладонью по плечу.

— Я сказал «теоретически». Это не согласие.

— Но сможешь.

— Чтобы запустить челнок, мало открыть дверь, — сказал Коля, проводя рукой по волосам. — Нужно снять отслеживание, иначе нас остановят ещё до посадки. А когда я начну глушить след, система вызовет охрану.

— Сколько времени?

— Миша.

— Сколько?

— Если никто не будет мешать — несколько минут, — тихо сказал Коля, и поджал губы.

Михаил посмотрел на закрытую пиктограмму, затем на обсерваторный знак над залом. Янтарный свет лежал на полу тонкой лужицей. Он ещё мог развернуться и уйти, отложив всё на два месяца. Только слишком уж это походило на ещё одно «не успел», а после матча Михаил и без того слишком хорошо помнил, как легко несколько секунд превращаются в поражение.

— Мы не полезем в опасную историю, — сказал он. — Челнок автоматический. Путь короткий. Время есть.

— Официальная система думает иначе, — сказала Оля.

— Официальная система перестраховывается.

— А ты не перестраховываешься никогда.

Она сказала это спокойно, и оттого слова попали точнее. Михаил первым отвёл взгляд; резкий ответ уже просился наружу, но присутствие Коли почему-то заставило его промолчать.

— Я эту поездку месяц собирал по кускам, — сказал Михаил. — Ещё через два месяца всё опять разъедется: учёба, расписание, доступ.

— Это всё ещё не причина красть челнок.

— Не красть. Использовать не по расписанию.

Оля посмотрела на него так, что Михаил сам услышал, как глупо это прозвучало.

— Если я это сделаю, назад уже не откатить, — тихо выдохнул Коля. — Придётся прикрыть наручи и подсунуть камерам нормальный мусор вместо нас. Не полный обман — просто чтобы никто сразу не понял, куда смотреть.

— Можешь?

— Да. Но мне нужен кто-то, кто отвлечёт охрану, когда она появится.

— Вы оба ненормальные, — сказала Оля, закрывая глаза.

— Возможно, — сказал Коля. — Но я хотя бы технически полезный.

Михаил перестал взвешивать последствия. Решение было принято, и теперь его интересовало только исполнение.

— Оля, отойди ближе к декоративным деревьям, — сказал он.

— Что?

У дальней стены зала стояла полоса живой зелени. Настоящей или почти настоящей — Михаил никогда не проверял. Низкие деревья, влажный тёмный грунт под прозрачным покрытием, лавки вокруг. Место для тех, кому нужно было по-

дождать переправку и сделать вид, что ожидание проходит на природе.

— Когда я дам сигнал, подними шум.

— Какой шум?

— Любой.

— То есть ты даже план мне не придумал?

— Ты импровизируешь лучше всех нас.

— Это не комплимент, это попытка снять с себя ответственность.

— Сейчас и то и другое.

Оля посмотрела на Колю.

— А ты?

Коля уже разворачивал на наруче узкую рабочую проекцию. Лицо у него стало другим. Шутник исчез, остались быстрые глаза и пальцы, которые работали почти без пауз.

— Я отправлю вам прикрытие на наручи. Не трогайте уведомления, не отвечайте на запросы, не включайте ничего лишнего. Если система спросит подтверждение личности — не подтверждайте.

— А если охранник спросит? — сказала Оля.

— Ему лучше вообще не показывать наруч, — сказал Коля, подняв взгляд.

— Прекрасно.

Михаил хотел сказать что-нибудь ободряющее, но не нашёл слов. Оля резко развернулась и пошла к зелёной полосе; по её спине было видно, что она всё ещё злилась, но всё

равно шла.

Коля быстро подошёл к боковому проходу и занял место у панели, где его почти полностью закрывал выступ стены. Со стороны зала он ничем не отличался от пассажира, задержавшегося у расписания, если не считать пальцев, слишком быстро бегавших по проекции.

Михаил сел на ближайшую скамейку. Холод от сиденья прошёл через ткань, пока он укладывал ладони на колени, заставлял плечи расслабиться и изображал отдых после матча. Получалось плохо — во всяком случае, ему так казалось: сердце стучало слишком заметно, во рту пересохло. В этот момент на наруч пришёл короткий знак от Коли: прикрытие включено.

Почти сразу в дальнем проходе появился охранник. Михаил не повернул головы, только скосил глаза. Тот шёл не спеша, но прямо к залу переправки — среднего роста, в серой форме станционной службы, с усталым лицом человека, которому сегодня уже не раз приходилось объяснять, что «мы просто посмотрим» не считается причиной лезть за ограничитель.

Коля пока оставался скрыт за выступом, но, если охранник пойдёт прямо к служебной панели, через десять секунд всё закончится. Михаил поднял руку к лицу, будто потёр переносицу, и большим пальцем отправил Оле короткий сигнал: «давай». Секунду ничего не происходило, а потом Оля закричала.

Крик вышел такой резкий, что Михаил сам едва не вскочил. Люди у соседнего терминала обернулись. Охранник остановился на полушаге и сразу повернул к зелёной полосе.

Оля стояла у декоративных деревьев, прижав ладони к груди, и выглядела настолько испуганной, что Михаил на миг забыл об игре. Она отступила, задела плечом лавку и снова вскрикнула — тише, но с нужной дрожью, заставив охранника ускориться.

— Гражданка, что случилось?

Михаил не шевелился. Только смотрел краем глаза. Плечо заныло от напряжения.

— Ещё немного, — едва слышно сказал Коля по связи.

— Что произошло? Вам плохо? — спросил охранник, подойдя к Оле и встав спиной к боковому проходу. Михаилу всё казалось слишком удачным, чтобы в это поверить.

Оля открыла рот, но так ничего и не сказала, и Михаил почувствовал, как холод от скамейки поднимается выше, к спине.

— Там... — сказала Оля.

«Ну же.»

— Там паук!

На несколько секунд повисла тишина, словно вся станция замерла вместе с ними, ожидая, что будет дальше. Михаил едва не закрыл лицо ладонью. У него даже плечо перестало болеть — от стыда организм, видимо, решил отложить другие ощущения.

— Серьёзно? — прошептал Коля, когда в ухе тихо треснула связь.

Михаил не двинул губами.

Охранник посмотрел туда, куда указала Оля, потом снова на неё. Лицо у него постепенно вытянулось: сначала он явно искал угрозу, потом пытался понять, не шутят ли над ним, а под конец выглядел так, словно окончательно пожалел, что сегодня вообще вышел на смену.

— Барышня, — сказал он, — просто отойдите от дерева.

— Но... он был большой, — моргнула Оля.

— Тогда отойдите дальше.

Охранник закрыл глаза на секунду. Михаил почти слышал, как у человека внутри ломается желание работать.

— Пожалуйста, не кричите в зоне переправки.

— Да, конечно. Простите, я больше не буду.

Оля кивала так усердно, что это снова почти стало подзрительным. Охранник бросил взгляд по залу. Михаил успел опустить глаза к своему наручу и сделать вид, что читает что-то очень скучное. Коля за углом не издал ни звука.

Охранник постоял ещё мгновение, будто выбирал, стоит ли проверять остальные углы своей неудачной смены. Потом развернулся и пошёл вдоль зала, бормоча что-то себе под нос. Михаил разобрал только:

— ...зря сюда пришёл...

Михаил дождался, пока шаги стихнут вдали, и только тогда выдохнул. Почти сразу на наруч пришло сообщение от Коли: «Готово. Быстро внутрь»

Михаил поднялся со скамейки. Ноги на первом шаге показались ватными, что было обидно после космояча, где он полчаса носился в отключённой тяжести. Оля уже шла к ним, красная от злости и стыда.

— Ни слова, — сказала она.

— Я молчу, — сказал Михаил.

— Паук? — спросил Коля, высунувшись из-за выступа.

— Ты следующий, — сказала Оля, ткнув в него пальцем.

— Я просто уточняю масштаб угрозы.

— Коля.

— Молчу.

Но улыбку он спрятать не успел. Михаил тоже. Оля посмотрела на них обоих, и на секунду они снова были просто

трое идиотов после матча, которым повезло с охранником и с пауком, которого не существовало.

За спинами ребят тихо щёлкнул механизм, открывая шлюз, — и весёлые перешёптывания тут же оборвались. Коля первым скользнул в служебный проход. Михаил жестом пропустил Олю вперёд, но она замерла на пороге и обернулась, встретившись с ним взглядом.

— Это плохая идея.

— Знаю.

— Ты сейчас говоришь «знаю» так, будто это делает идею лучше.

Михаил хотел ответить, но шлюзовая створка уже начала закрываться, и он молча шагнул следом. Внутри было прохладнее: узкий коридор вёл к посадочному рукаву, за прозрачной стеной которого ждал челнок. По его борту уже пробежали мягкие полосы света, проверяя контуры, а автоматическая система приняла их как пассажиров, хотя в общем порядке станции они сейчас должны были числиться совсем в другом месте.

Коля шёл первым, не оглядываясь и лишь изредка проверяя наруч. Чем ближе был челнок, тем заметнее сходила с него показная уверенность, Михаил видел это и всё равно не остановился.

Посадочная дверь без всякой торжественности сдвинулась в сторону, выпустив запах пластика, металла и сухого воздуха. За ней ждали шесть пустых, аккуратных, слишком

чистых мест, а на стене светилась схема маршрута к обсерватории — короткая дуга от станции к внешнему узлу. Оля вошла последней и сразу оглянулась на закрывающуюся дверь.

— А если после вспышки блоки питания просядут, и мы застрянем там? — спросила она. — И завтра мы будем объяснять, что пропустили занятия, потому что решили угнать челнок?

— Не угнать, — сказал Михаил автоматически. — Не время использовать.

— Спасибо. Так намного лучше, — сказала Оля, медленно поворачиваясь к нему.

Михаил сел у иллюминатора. Ремень лёг поперёк груди жёсткой полосой. Он затянул его сильнее, чем нужно, и только потом понял, что всё это время не смотрел Оле в глаза.

— Блоки питания от «Росатома», — сказал Коля. — С ними ничего не случится.

— А с нами?

— И с нами тоже, — ответил Миша, и в его голосе прозвучала лёгкая неуверенность.

Коля сел напротив и дёрнул ремень. Челнок закрылся, по посадочному рукаву пробежал свет, а следом раздался низкий герметичный стук. Под ногами прошла лёгкая вибрация, будто машина проснулась и решила, что раз уж её разбудили, спорить не станет.

На боковой панели появились три пассажирские отметки — только номера мест и состояние ремней, без имён. Коля

заметил это и чуть расслабился.

— След не ушёл? — спросил Михаил.

— Пока нет. Если никто не полезет вручную проверять маршрут, мы просто один из служебных прогонов.

— «Пока» мне не нравится, — сказала Оля.

— Мне тоже, — сказал Коля. — Но другого слова у меня нет.

Челнок дрогнул, и станция за иллюминатором медленно поплыла в сторону. У Михаила перехватило дыхание. Он видел её много раз — из общих залов, с учебных площадок, на записях и через обзорные стёкла, возле которых всегда стоял кто-нибудь ещё, — но отсюда она казалась совсем другой: огромная светлая конструкция на фоне чёрного пространства, с мягкими огнями по краям и тонкими дугами переходов. Там, внутри, остались поле, закрытая переправка, охранник, Олин паук и всё сегодняшнее «нельзя».

Челнок уходил всё дальше от станции, а впереди постепенно росла обсерватория — тёмная конструкция в серебристом каркасе, вытянутая в сторону планеты. Сама планета поднималась за ней огромным диском: облака, тонкая полоса света вдоль края, синие и зелёные участки поверхности.

Оля тоже смотрела и уже открыла рот. Михаил почему-то был уверен, что сейчас она скажет что-нибудь о виде и, может быть, даже простит им часть сегодняшней глупости — не словами, хотя бы тоном.

Но вместо её голоса челнок пронзил тонкий, злой писк,

будто кто-то провёл иглой по стеклу у самого уха. Михаил сжал край сиденья и увидел, как на панели вспыхнула красная строка.

— Сбой прогноза аномального всплеска, — сообщила система, и Коля замер, пока Оля тревожно поворачивалась к Михаилу.

— До события, — продолжила система, — пять.

— Что? — выдохнул Михаил, не сразу поняв слово, которое повисло в воздухе слишком громким и невозможным.

— Четыре, три — продолжила система, и Коля рванулся к наручу.

— Нет, — выдохнул он. — Это невозможно!

— Два. Один.

Глава 2 — Под чужим солнцем

Белый свет ударил в стекло так, будто сама звезда ткнула в челнок раскалённым пальцем, и обсерватория вместе с тёмным изгибом планеты растворилась в сплошной белизне. В следующую секунду челнок дёрнуло вбок: ремень ударил Михаила под рёбра, затылок стукнулся о мягкую спинку кресла, а по кабине прошёл такой скрежет, словно корпус пытались разорвать снаружи голыми руками.

Оля вскрикнула — коротко и зло, совсем не так, как в шлюзе с охранником. Коля, сидевший впереди, вцепился обеими руками в подлокотники и смотрел на дрожащие над наручем световые строки, не нажимая ни на одну. Только моргал и мотал головой.

— Нет, — сказал он. — Нет, нет, нет. Такого отклонения быть не может.

Челнок снова тряхнуло. Где-то за обшивкой хлопнуло, будто лопнул толстый металлический канат, и в кабине запахло горячей пылью и плавленной изоляцией. Только тогда Михаил понял, что сжимает ремень так крепко, что пальцы занемели.

Он заметил, как сглотнул от страха Коля и как Оля испуганно прижала руку к сердцу, как потолочные лампы на миг погасли и вернулись красным аварийным светом. И все равно вместо плана поднялась одна тупая мысль: это он привел

их сюда, это будет его вина.

— Что делать? — крикнула Оля, перекрывая вой сигналов и грохот корпуса.

— Коля, — позвал Михаил и резко вдохнул. Сухой горячий воздух обжёг горло.

Ответа не последовало. Над запястьем одна за другой вспыхивали новые строки, и Коля следил за ними с таким видом, будто расчёты упорно отказывались признавать очевидное.

— Коля! — Михаил дернул ремень, подался вперед насколько мог. — Вернись! Куда нас несет?

— Этого не должно было быть, — сказал Коля. — Прогноз не мог дать такую ошибку. Даже если брать худший разброс...

— Куда?!

Коля моргнул, оторвал руку от подлокотника и ткнул в проекцию. Световая поверхность дрогнула, обтекая его пальцы.

— Мимо, — сказал он уже другим голосом. — Мы не выходим к обсерватории.

— Мимо — это куда? — спросила Оля, повернувшись к Михаилу. В красном свете её лицо казалось жёстче обычного.

Челнок снова провалился. Михаила на миг потянуло вверх из кресла, прежде чем ремни резко вернули его обратно.

— Варианты, — выкрикнул Михаил.

— Нет нормальных вариантов... — Коля покачал головой. — Полный перезапуск я не успею. Система закрыта, а я уже... я и так вскрывал её не по-человечески.

— Ненормальные.

— Что?

— Давай ненормальные!

Коля открыл рот, но не сказал ничего. В иллюминаторе белизна начала рваться на пятна — огонь, черноту, серую кромку облаков. Планета больше не висела вдали. Она росла, и Оля тоже это увидела.

— Мы разобьемся об планету?

— Да. То есть... да, — сказал Коля, дёрнувшись, будто его ударили. Он посмотрел на иллюминатор, потом на свои руки.

Михаил почувствовал, как холод прошёл по спине, несмотря на жар в кабине.

— Именно это и нужно, — сказал Коля, вдруг подавшись к проекции.

— Что? — Оля почти сорвалась на визг.

— Разбиться, — быстро сказал Коля. Пальцы у него заходили над наручем с такой скоростью, что Михаил перестал различать движения. — Разбиться правильно. Я могу вытащить аварийный режим. Может быть. Если он еще не сгорел к чертям.

— Коля, — сказал Михаил.

— Не сейчас.

Это прозвучало так сухо, что Михаил закрыл рот. Челнок вошёл в плотный воздух, и кабину заполнил низкий, давящий вой, от которого заныли зубы. Следом пришло липкое тепло, будто их заперли в печи и медленно прибавляли жар. Оля закашлялась и потянулась к верхней застёжке куртки, но ремень мешал; пальцы один раз промахнулись, прежде чем нащупали замок.

— Не трогай ремни, — сказал он.

— Я не дура.

— Я не говорил, что ты...

— Миша!

Он осёкся. Оля даже не смотрела на него — возилась с застёжкой, стиснув зубы. Злость в её голосе была не из-за ремня, и Михаил понял это слишком поздно. Он отвернулся к Коле, над рукой которого дрожали, прыгали и гасли световые строки. В какой-то момент проекция сорвалась совсем, и Коля ударил по наручу раскрытой ладонью.

— Не смей, — процедил Коля.

Проекция вернулась как раз в тот момент, когда челнок развернуло. Облака на секунду заполнили иллюминатор, а затем уступили место тёмной зелени — слишком близкой и слишком настоящей.

— Коля, — Михаил не выдержал. — Сколько еще?

— Столько, сколько надо, чтобы мы не стали красивой дырой в лесу!

— Мне нравится слово «не».

— Тогда не мешай.

Михаил стиснул зубы. Под рёбрами всё ещё ныло от ремня, ушибленное плечо тянуло тупой болью — нашло время напомнить о себе. В кабине дважды щёлкнуло, почти подряд, и челнок резко подбросило снизу. Вой двигателей сразу стал ниже и тяжелее, Михаила вдавило в кресло, вышибая воздух из лёгких, а красный индикатор над дверью мигнул жёлтым.

— Есть! — крикнул Коля. — Аварийное торможение пошло!

— Это хорошо? — спросила Оля.

Коля приоткрыл рот, но не ответил. Его глаза быстро и нервно скользили по строкам данных.

— Лучше, чем было, — всё же произнёс он.

Зелень за иллюминатором неслась навстречу. Михаил успел только прижать подбородок к груди, когда челнок врезался в кроны. Ветви с треском захлестали корпус, машину мотнуло в сторону, развернуло и бросило вниз. Ремни впились в грудь и бёдра. За спиной что-то сорвалось с креплений, пролетело через кабину, с грохотом ударилось о стену и отскочило к ногам Оли. Та вскинула руку ко рту, удержав крик.

Второй удар пришёлся ниже и прозвучал глуше: челнок протаранил что-то податливое, подпрыгнул и вновь обрушился вниз. В иллюминаторе на долю мгновения мелькнул массивный ствол — он оказался так близко, что испугаться

просто не хватило времени. Третий удар стёр всё вокруг, погрузив Михаила в крошечную темноту, где слышалось лишь хриплое, словно чужое дыхание.

Михаил открыл глаза. Тусклые аварийные лампы ещё горели, едва пробиваясь сквозь пыль и подсвечивая перекошенные кресла. Во рту чувствовался металл, из глубины кабины тянулся тонкий назойливый писк. Он по очереди пошевелил руками и ногами. Всё болело, но слушалось.

— Оля, — сказал он.

Голос сел. Оля сидела в кресле напротив, согнувшись вперёд, насколько позволял ремень. Волосы выбились из хвоста, а по щеке тянулась тонкая тёмная полоска — неглубокая, почти уже подсохшая. Она подняла на Михаила глаза и медленно показала большой палец. Он повернул голову.

— Коля? — позвал Михаил, но тот молчал, и растянувшаяся секунда заставила его крикнуть громче: — Коля!

— Я здесь, — отозвался он с переднего кресла. — Я просто... проверяю, все ли у меня на месте.

— И?

— Не уверен.

Михаил выдохнул. Только тогда понял, что до этого не дышал. Коля отстегнул ремень. Тело у него тут же дернулось слишком резко, и он едва не ударился лбом о панель. Выругался, удержав себя за край кресла.

Михаил тоже потянулся к замку, но пальцы не сразу попали. Ладонь дрожала. Он сжал ее в кулак, подождал, пока

дрожь уйдет хотя бы наполовину, и только потом расстегнулся. Когда ремень отпустил, грудь заняла сильнее.

На перекошенной панели, под треснувшим защитным стеклом, ещё читалась эмблема Роскосмоса. Буквы были исцарапаны, край вдавило внутрь, но панель выдержала — и Михаил вдруг понял, кому они обязаны тем, что остались целы.

Тишина вышла слишком длинной. Оля посмотрела на него так, что Михаилу захотелось отвести глаза. Коля тоже обернулся, и на его лице еще держался страх, только теперь к нему добавилось что-то вроде усталого недоверия.

— Лучше сначала решить, что дальше, — сказал Коля.

— Состояние челнока? — спросил Михаил, с облегчением ухватившись за удобную возможность перейти к делу.

Коля наклонился к панели. Та ответила ему коротким треском и россыпью красных знаков. Он поморщился.

— Летать не будет, связь... — Коля провел пальцами по наручу, потом по панели. — Связь плохая. Станцию он не достаёт — то ли сигнал глушит корпус, то ли нас слишком удачно приложило.

— Жизнеобеспечение?

— Работает... пока.

Оля наконец отстегнулась. Встала и тут же сделала слишком широкий шаг. Ее понесло в сторону, она схватилась за спинку кресла и замерла, будто пол предал ее лично.

— Что с полом?

Михаил поднялся следом. Тело казалось непривычно лёгким — такое ощущение возникало лишь на несколько мгновений, когда искусственная гравитация на станции набирала нужную силу притяжения.

— Не пол, — сказал он. — Гравитация. Здесь около 0.6 от земной.

— Да что же такое, — пробормотал Коля, сделав пробный шаг и едва не влетев плечом в стену.

За бортом хрустнула ветка — или что-то совсем другое. Все трое разом замолчали. Михаил посмотрел на шлюз, за которым их ждал лес, пока неизвестный им даже по звукам. В челноке всё ещё пахло гарью и раскалённым пластиком. Он машинально коснулся наруча. Утром тот донимал его предупреждениями о превышении скорости, а теперь мог оказаться единственным, что связывало их со станцией.

— Выходим, — сказал он. — Проверим место. Внутри сидеть хуже. Если питание просядет, мы даже понять не успеем.

Оля промолчала, но первой направилась к шлюзу. Открыть его получилось не сразу: дверь дёрнулась, издала скрежещущий звук и замерла. Михаил и Коля навалились на неё вдвоём. Из-за слабой гравитации усилие вышло чересчур резким — дверь рванулась вперёд, Михаила понесло следом, и удержаться он смог, лишь вцепившись в перекошенный косяк.

Из-за двери потянуло влажной землёй и зеленью. Кабина

всё ещё пахла гарью и расплавленным пластиком, поэтому лесной воздух казался особенно чистым, почти непривычным.

Михаил вышел первым. Челнок лежал под углом в неглубокой просеке, которую сам же и прорубил. Деревья вокруг были изломаны, несколько стволов наклонились, держа его на себе. Бок корпуса был иссечён глубокими бороздами, местами обшивку вмяло и содрало до тёмного внутреннего слоя. Где-то сверху медленно падали листья, сорванные их посадкой, и каждый лист казался слишком большим и слишком ярким.

Небо было живое. Это почему-то задело сильнее всего. Оля выбралась следом. Сделала шаг, второй, на третьем подпрыгнула почти как на пружине и вцепилась Михаилу в рукав.

— Ничего смешного, — предупредила она.

— Я держусь, — сказал Михаил, ещё не успев улыбнуться.

Коля вышел последним и сразу присел, будто проверял, насколько земля настоящая. Потом поднял голову и посмотрел на проломанные деревья.

— У нас правда получилось, — сказал тихо Коля.

— Спасибо, — всё-таки сказал Михаил, переводя взгляд с Коли на Олю.

— Это сейчас было нам? — переспросил Коля, поднимая брови.

— Вам, обоим.

Достаточно было Колиной усмешки и Олиного взгляда — и всё будто вернулось к почти обычной жизни. Правда, за спиной по-прежнему чернел разбитый челнок, а над сломанными вершинами деревьев медленно всходило чужое солнце.

Оля уже перестала спотыкаться на каждом шаге, хотя временами всё ещё отталкивалась от земли сильнее, чем требовалось, и тогда движение неожиданно растягивалось на лишние полметра. В очередной раз поймав равновесие, она оглянулась на челнок. Светлый корпус лежал среди поломанных ветвей, слишком ровный и чистый для этой зелени даже со следами недавнего падения.

— И сколько нас теперь будут искать?

Коля посмотрел на наруч.

— Если быстро заметят, что челнок ушёл без разрешения, может, полчаса. Если там сейчас разбираются со вспышкой и до нас руки дойдут позже — несколько часов.

Михаил ещё недавно считал, что им невероятно повезёт, если они вообще выберутся из челнока своими ногами. Теперь авария внезапно оставила их на поверхности Орианы и, судя по словам Коли, подарила время. Столько, сколько при обычной экспедиции пришлось бы выпрашивать, согласовывать и проводить под наблюдением, держась подальше от местных.

Можно было успеть хотя бы что-то.

— Удачно получилось.

Оля медленно повернула голову.

— Что?

Коля тоже оторвался от наруча, и Михаил мысленно выругался: последние два слова каким-то образом выбрались наружу без остальной мысли.

— Говорю, деревня неподалёку. Если ждать придётся несколько часов, лучше найти еду и какое-нибудь укрытие, чем сидеть возле разбитого челнока.

— В деревню нельзя, — сразу сказал Коля.

— Почему? — Оля посмотрела на него. — Я знаю про запрет, но в чём там смысл? Кроме самого «нельзя».

Коля на секунду задумался, подбирая слова.

— Если общество получает технологии слишком быстро, оно просто не успевает к ним приспособиться. Законы, эко-

номика, отношения между людьми — всё это меняется медленнее. Дай им что-нибудь достаточно мощное раньше времени, и предсказать последствия уже невозможно.

— Иногда последствия достаются им самим, — добавил Михаил. — Иногда всем вокруг.

Оля перевела взгляд с одного на другого.

— И поэтому мы должны сидеть здесь голодными?

— Мы ещё не голодные, — заметил Коля.

— Отлично. Один вопрос решён.

Михаил едва удержался от улыбки. Пока они спорили о формулировках, челнок продолжал лежать за их спинами и ничего полезного из себя уже не изображал.

— Коля, твой прогноз вспышки ошибся на несколько часов.

У того сразу изменилось лицо.

— Не мой.

— Хорошо, прогноз станции. Суть та же. Если система не увидела такое отклонение заранее, мы вообще не знаем, что сейчас происходит наверху. Связь могла лечь, часть систем могли отключить. Они могут добраться сюда вечером. Завтра. Через несколько дней.

— Могут, — Коля помолчал. — Но про несколько дней ты уже додумываешь. Про недели тоже, если собирался дойти до недель.

Михаил собирался.

— Зато ты не можешь сказать, что этого точно не будет.

Коля бросил короткий взгляд на челнок.

Вот за это Михаил его и ценил. Если расчёт переставал что-то доказывать, Коля мог сколько угодно злиться на самую реальность, но редко продолжал делать вид, будто цифры всё ещё на его стороне.

— Точно — не могу.

— Тогда сходим до деревни, найдём что-нибудь съедобное и посмотрим, где можно переждать, если понадобится. Если спасатели прилетят раньше — вернёмся.

Оля скрестила руки.

— За припасами?

— За припасами.

— И ты по дороге внезапно не решишь ещё что-нибудь за всех троих?

Вопрос попал точнее, чем хотелось. Михаил поправил ремень на плече и тут же пожалел об этом: ушиб отозвался тупой болью.

— Не решу.

Оля ещё пару секунд смотрела на него, потом перевела взгляд на Колю.

— Я бы сходил, — сказал тот. — Но наручи не снимаем. Если нас начнут искать, пусть хотя бы будет за что зацепиться.

— Мой на месте, — сказал Михаил показав запястье.

— Твой я вижу. Я на всякий случай для всех сказал.

Оля проверила свой и вздохнула.

— Ладно. Припасы и обратно.

Михаил первым двинулся от места падения, но теперь уже не торопился. Первые минуты после выхода из челнока тело постоянно пыталось применять старые правила: шаг получался слишком длинным, прыжок — выше ожидаемого, а остановиться хотелось раньше, чем ноги действительно касались земли. Постепенно движения становились привычнее. Оля всё реже выставляла руки для равновесия, Коля перестал смотреть себе под ноги, и только временами кто-нибудь из них вдруг подпрыгивал на кочке так легко, что остальные невольно усмехались.

Челнок остался между деревьями. Ещё немного — и светлый корпус исчез за зеленью.

На станции расстояние всегда чем-нибудь заканчивалось. Там взгляд рано или поздно всегда находил стену, галерею, опору купола, очередной жилой блок. Здесь деревья расходились в стороны, за ними лежал следующий склон, а дальше зелень тянулась почти до самого горизонта. Даже ручьи не были частью аккуратно собранного парка: вода сама выбирала себе дорогу между камнями, размывала землю и заставляла искать место для перехода.

Михаил перепрыгнул узкий поток и обернулся. Оля последовала за ним осторожнее, зато приземлилась уже без прежней попытки вдавить ботинки в землю. Коля выбрал пару выступающих камней и перешёл по ним.

— Можно было прыгнуть, — сказал Михаил.

— Я видел, чем закончилась твоя последняя удачная идея с перемещением в пространстве.

Михаил потёр плечо.

— Это был полёт.

— До стены.

Оля тихо засмеялась, и напряжение наконец немного отпустило.

Дальше идти стало легче. Вместо постоянного гула вентиляции вокруг оставались ветер в листве, вода и редкие незнакомые голоса птиц где-то высоко над ними. Михаил несколько раз поймал себя на том, что ждёт привычного сухого привкуса фильтрованного воздуха, но во рту оставалась только влажная свежесть, в которой смешивались вода, трава и нагретая солнцем земля.

Он свернул правее, обходя заросший низкий участок, через несколько минут снова изменил направление у ручья, а когда впереди показалась полоса высокой травы, заранее ушёл к деревьям, где земля была суше.

— Подожди, — сказала Оля.

Он остановился, а Оля смотрела назад, на пройденный путь.

— Ты уже третий раз сворачиваешь до того, как становится понятно, куда вообще надо сворачивать.

Коля огляделся внимательнее.

— Кстати, да.

— И?

— Откуда ты знаешь дорогу?

Михаил посмотрел вперёд. Вот теперь объяснять всё равно придётся.

— Я здесь уже был.

— Насколько «здесь»? — Оля прищурилась.

— На Ориане. По программе подготовки исследователей. Несколько выездов, наблюдения, сбор данных. В деревню мы не заходили.

— И ты об этом решил сказать только сейчас? — спросил Коля.

— Я вообще-то собирался показать вам всё с обсерватории.

— К которой мы летели на угнанном челноке, — напомнила Оля.

Коля покачал головой, а Михаил только усмехнулся и пошёл дальше.

— Если бы долетели, я бы вам ещё много чего показал.

— Сначала то, ради чего мы сейчас идём, — сказала Оля.
— Потом экскурсия.

Это прозвучало достаточно спокойно, чтобы спор не начался заново, но Михаил всё равно сбавил шаг. Оля после аварии стала подозрительно хорошо замечать моменты, когда он собирался чуть расширить первоначальную договорённость.

Впрочем, дорогу она теперь хотя бы не оспаривала.

Через некоторое время между деревьями показались пер-

вые признаки жилья. Самой деревни отсюда ещё почти не было видно, только крыша, мелькнувшая за дальним склоном, да узкая вытоптанная тропа. Михаил уже собирался выйти к ней, когда Коля придержал его за локоть.

— Мы так туда пойдём?

— А что?

Коля посмотрел на него сверху вниз, затем на собственную одежду.

Только сейчас на фоне травы и светлых стволов Михаил оценил их троицу чужими глазами. Тёмные станционные куртки, плотные ботинки, рюкзаки, наручи на запястьях. Даже цветные полосы на одежде здесь выглядели слишком ровными, слишком аккуратными.

— В таком виде нас запомнят, — сказал Коля.

— Это ещё мягко сказано, — добавила Оля. — Я бы тоже запомнила троих людей, которые выглядят так, будто пришли из другого мира.

Михаил посмотрел в сторону реки. До неё отсюда было ближе, чем до деревни.

— Тогда сначала туда.

— Зачем?

— Местные стирают одежду у реки. Обычно оставляют вещи сушиться рядом.

Оля остановилась.

— Ты предлагаешь снова что-то украсть?

— Снова?

— Челнок.

— Челнок мы не крали.

Она подняла брови.

— А что мы с ним сделали?

— Использовали в неназначенное время.

Коля издал короткий звук, подозрительно похожий на подавленный смешок, но сразу отвернулся. Оля его не поддержала.

— Хорошо. А одежду мы как назовём?

— Возьмём авансом за помощь.

Слова вылетели легко, и только после них Михаил заметил, как изменилось лицо Оли.

— За какую помощь?

Коля тоже перестал улыбаться.

Михаил мог ещё попытаться объяснить, что им в любом случае понадобятся местные вещи, что деревне наверняка найдётся чем помочь, что несколько мелких изменений никому не разрушат цивилизацию. Всё это звучало вполне разумно, пока оставалось у него в голове.

— Миша, — сказал Коля, — мы договорились про припасы.

— Я помню.

— Тогда откуда взялась помощь?

Оля коротко кивнула.

— Вот именно. Ты что-то задумал ещё у челнока.

Михаил посмотрел на обоих и развёл руками.

— Ладно. Похоже, мы всё-таки воры.

Оля даже не улыбнулась.

— Это не ответ.

— Зато честное признание.

Коля поправил рюкзак.

— Одежда нам действительно нужна. На этом пока всё.

Михаил хотел возразить, но река уже шумела где-то впереди, а спорить сейчас означало только закрепить их подозрения. Он первым двинулся на звук воды.

Они спустились ниже по склону и вскоре увидели реку между деревьями. Здесь она расходилась шире, течение замедлялось, а у берега лежали плоские камни. Несколько женщин стояли у воды; одна полоскала ткань, другая развешивала вещи на натянутой между двумя стойками верёвке. Чуть дальше на траве лежала ещё одежда.

Михаил присел за кустами, Оля устроилась рядом, а Коля остался чуть позади. До вещей было совсем недалеко. Одна из женщин подняла мокрую ткань, встряхнула и что-то сказала остальным; те засмеялись, и Михаил, дождавшись, пока она отвернётся, начал было подниматься, но Оля сразу ухватила его за рукав.

— Ты куда?

— Посмотреть ближе.

— Отсюда прекрасно видно.

— Мне размер отсюда оценить?

— Когда они уйдут.

Михаил посмотрел на Колю в поисках поддержки но тот медленно покачал головой.

— Ждём.

Оля отпустила его рукав, и Михаил снова опустился в траву. За кустами вода тихо билась о камни, женщины продолжали разговаривать, а нужная им одежда сушилась на ветру в нескольких десятках шагов — достаточно близко, чтобы разглядеть, и слишком близко к хозяйкам, чтобы спорить.

Старушки у реки всё никак не уходили. Одна вернулась поправить перекосившуюся жердь, вторая вдруг вспомнила о корзине у воды, и Михаил уже начал подозревать, что они намерены проверить каждую развешанную вещь по отдельности. Лишь когда обе наконец скрылись между деревьями и их голоса стихли, он поднялся из травы.

— Быстро.

Оля добралась до развешанной одежды первой. Женских вещей оказалось столько, что выбирать ей пришлось скорее цвет, чем размер. Коля после недолгих поисков стянул с верёвки тёмную рубаху, штаны и что-то вроде длинной накидки, а Михаил только прикинул к себе первую подходящую вещь, когда со стороны тропы снова донеслись голоса.

Он оглянулся. Сквозь ветви пока никого не было видно, но ждать, кто именно возвращается и зачем, желания не возникло.

— Всё, уходим.

— Я ещё...

— Коля.

Тот сгреб выбранное в охапку. Михаил сорвал с ближайшей верёвки то, до чего дотянулся, и через несколько секунд они уже пробирались вдоль берега, прикрытые кустами. За спиной снова слышались голоса; один стал громче, будто кто-то обнаружил пропажу раньше, чем хотелось бы.

Остановились только там, где река делала изгиб и густой подлесок закрывал берег.

С одеждой Оле повезло. Сero-коричневая ткань легла

свободно, поверх неё шла короткая накидка, ремень можно было подтянуть почти под любой размер. Коля тоже выглядел вполне убедительно — если не присматриваться к лицу и не задавать вопросов.

Михаил натянул свою добычу и сразу понял, почему никто из них её не выбрал. Рукава накрыли пальцы, пояс пришлось затянуть почти вдвое, а нижний край болтался так, словно прежний хозяин превосходил его и ростом, и шириной плеч. Когда он дёрнул ткань выше, ушибленное плечо напомнило о себе тупой болью.

Оля несколько секунд смотрела молча, потом отвернулась, но уже поздно.

— Смейся уже.

Она фыркнула, а Коля, затягивавший ремень, поднял голову и тоже расплылся в улыбке.

— Зато незаметный.

— Именно на это и рассчитывал.

Михаил подвернул рукава до локтей, перетянул пояс и расправил накидку. Лучше стало ненамного, зато руки снова появились. На фоне Коли и Оли он всё ещё выглядел так, будто одежду получил от щедрого родственника значительно крупнее себя, но спорить с обстоятельствами было поздно.

Хуже оказались наручи. Ровная поверхность слишком выделялась среди грубой ткани, кожи, шнуров и простых украшений. Снимать их Михаил не собирался: если спасатели уже начали поиск, оставлять здесь единственные устройства,

способные помочь их обнаружить, было бы особенно глупо после всего, что они успели сделать.

Они спрятали края под рукавами, поверх намотали шнуры и ремешки от местной одежды. Теперь из-под ткани выглядывали только узкие полосы корпуса, которые с первого взгляда вполне можно было принять за браслеты.

Оля повертела рукой.

— Пока никто не попросит показать поближе.

— Поэтому поближе никого не подпускаем.

Она посмотрела на него так, будто собиралась напомнить, чья именно идея привела их на эту планету, но ограничилась коротким:

— Конечно.

Они двинулись дальше. Тропа шла вдоль воды, потом начала забирать вверх между деревьями. После станции пространство вокруг всё ещё казалось Михаилу непривычно открытым. Оля некоторое время молчала, потом поравнялась с ним.

— Когда мы кого-нибудь встретим, говорить будешь ты?

— Не обязательно.

Михаил перешёл на местный язык:

— Мы пришли издалека. Нам нужна помощь.

Оля ответила на нём же, чуть медленнее:

— Это я помню.

Коля повторил фразу следом, запнувшись только на последнем слове.

— Уже лучше, — сказал Михаил по-русски.

Когда-то он потащил обоих учить язык вместе с собой почти из упрямства. Ему нравилось разбираться во всём, что касалось Орианы, а возможность разговаривать на станции так, чтобы случайные уши ничего не понимали, оказалась достаточным доводом для Коли и Оли. Сейчас эта затея впервые перестала казаться развлечением.

— Язык — это ещё полбеды, — сказал Коля. — Ты на нас посмотри.

Местная одежда действительно решала далеко не всё. Черты лица отличались, кожа, волосы, сложение — по отдельности ничего невозможного, вместе достаточно, чтобы заставить присмотреться.

— И что? — спросил он.

— То, что мы будем выглядеть как трое людей, которые очень стараются выглядеть местными.

— Не надо выглядеть местными. Надо выглядеть людьми издалека.

Коля нахмурился, и Михаил махнул рукой в сторону тропы.

— Представь Русь несколько тысяч лет назад. Если там встречали человека из Африки или Азии, никто первым делом не решал, что он прилетел с другой планеты. Решали, что он пришёл из какого-то очень далёкого места.

— Хорошо, — протянула Оля. — Значит, наш план строится на том, что они придумают за нас удобное объяснение.

— Наш план строится на том, что мы не дадим им причины придумывать неудобное.

Коля, задумался.

— Если первый человек нам поверит, дальше будет проще. Он уже сам объяснит остальным, кто мы такие.

— Именно.

Михаил свернул с основной тропы на узкую дорожку между деревьями.

— Поэтому в деревню сразу не пойдём. Тут неподалёку живёт целительница. Отдельно от остальных. Сначала поговорим с ней.

Коля кивнул почти сразу.

— Логично. Один человек, меньше свидетелей. Если всё нормально — получаем местного, который нас уже знает.

Оля замедлила шаг.

— А ты, конечно, совершенно случайно знаешь, где живёт эта целительница.

— Я же говорил, что бывал здесь.

— Наблюдал отсюда за деревней, — уточнила она. — Не знакомился с жителями.

Михаил промолчал.

— Миша.

— Что?

— Ты что-то задумал.

— Каюсь... я задумал, как нам не умереть с голоду до прилёта спасателей.

Оля ещё несколько шагов смотрела на него сбоку. Ответ её явно не устроил, но повторять вчерашний спор она не стала.

Дорожка поднялась выше, и между стволами показалась хижина.

Она стояла в стороне от деревни, почти скрытая деревьями. Низкая крыша, тёмные стены, небольшой расчищенный участок перед входом. Никакой ограды Михаил не увидел. Это ему понравилось: можно было подойти спокойно, остановиться подальше и начать разговор, не привлекая лишнего внимания.

— Видите? — негромко сказал он. — Сейчас просто...

Дверь открылась, на пороге появилась девушка, и разговор оборвался сам собой.

Светлые волосы были заплетены в длинные косы; подогнанная по фигуре одежда сочетала кожу и плотную ткань, на плечах темнел мех, зелёные накладки напоминали листья, а за спиной висел колчан. Лук она держала в руке, пока без стрелы на тетиве.

Девушка не спешила ни навстречу, ни обратно в дом. Просто встала перед дверью и смотрела, как они приближаются.

Михаил машинально оценил расстояние. Далековато для обычного разговора. Можно пройти ещё немного, остановиться, показать пустые руки. Всё так, как он и собирался.

— Миша, — тихо сказала Оля.

— Вижу.

Он сделал ещё несколько шагов, и девушка, подняв лук чуть выше, что-то крикнула — слова Михаил разобрал сразу.

— Стойте. Кто вы?

Коля остановился первым, Оля — следом, а Михаил лишь сбавил шаг, поднял пустые руки подальше от тела и перешёл на местный язык:

— Мы путники. Пришли с миром.

— Стойте, — повторила девушка не опуская лук.

Её речь была быстрее учебных записей, с непривычным произношением, но смысл Михаил разобрал без труда.

Он шёл уже совсем медленно. Ещё несколько шагов — и не придётся кричать через весь двор. Вряд ли человек с луком станет стрелять в троих безоружных путников только за то, что они подошли ближе.

— Мы не хотим неприятностей, — продолжил он. — Как тебя зовут?

Ответа не последовало: девушка одним движением достала стрелу, и Михаил успел увидеть, как та легла на тетиву и как согнулся лук, прежде чем сухой щелчок разрезал воздух.

Стрела вошла в землю в двух шагах перед ним, древко дрогнуло и замерло точно на линии, по которой он собирался идти дальше. Михаил остановился; позади стихли даже шаги друзей, а девушка по-прежнему держала лук поднятым и смотрела прямо на него.

Михаил медленно поднял пустые ладони выше, коротким движением показал Коле и Оле оставаться сзади и замер на месте. До хижины оставалось ещё несколько десятков шагов, но на этот раз никто не двигался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.